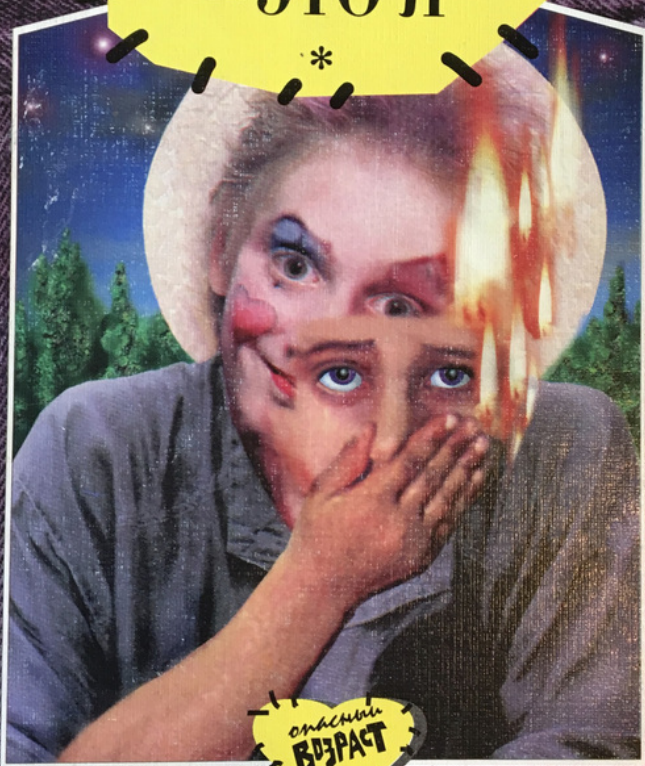

а ты читал?

Е. Мурашова

БАРАБАШКА – ЭТО Я

*

опасный
ВЗРАСТ

Екатерина Вадимовна Мурашова

Барабашка – это я

Текст предоставлен правообладателем

Барабашка – это я:

Аннотация

«Изучив расписание, Сенька выбрал самый медленный, почтово-багажный поезд. Это вовсе не значило, что Сенька никуда не торопился. Просто почтово-багажный поезд стоял в Сталеварске целых пятнадцать минут, а все остальные – минуточку. А два скорых и вовсе по тридцать секунд.

Собственного плана для проникновения в вагон у Сеньки не было, и в поездах он никогда не ездил, но зато хорошо помнил наставления Коляна: „Входишь там, где лезет побольше народу, делаешь вид, что с ними. Потом быстро проходишь по вагонам – и в туалет. Туалеты на остановку должны запирать, но где-нибудь обязательно забудут. Когда поезд пошел – действуй по обстановке“ ...»

Екатерина Мурашова

Изучив расписание, Сенька выбрал самый медленный, почтово-багажный поезд. Это вовсе не значило, что Сенька никуда не торопился. Просто почтово-багажный поезд стоял в Сталеварске целых пятнадцать минут, а все остальные – минуточку-две. А два скорых и вовсе по тридцать секунд.

Собственного плана для проникновения в вагон у Сеньки не было, и в поездах он никогда не ездил, но зато хорошо помнил наставления Коляна: «Входишь там, где лезет побольше народу, делаешь вид, что с ними. Потом быстро проходишь по вагонам – и в туалет. Туалеты на остановку должны запирать, но где-нибудь обязательно забудут. Когда поезд пошел – действуй по обстановке».

Последний пункт немного смущал Сеньку своей неопределенностью, но до его реализации было еще далеко и не стоило заранее забивать себе голову.

«Четыреста пятьдесят третий поезд прибывает ко второй платформе. Нумерация вагонов со стороны Москвы», – прогудел механический голос.

Сенька напрягся и поудобнее перехватил мешок с буханкой хлеба и запасными кедами. Лязгая и ухаля металлическими внутренностями, состав остановился у выщербленной полосы асфальта, сквозь которую пробивалась заляпанная мазутом трава.

У вагона, в мутном окне которого была выставлена цифра

4, суетилась большая семья с огромным количеством узлов и коробок. Распоряжался погрузкой плешивый мужик в широких полосатых брюках.

– За-аноси! – зычно кричал он. – Зина, пошла! Сережа, пропусти Дениса! Денис, осторожнее, осторожнее, тебе говорят!

У других вагонов практически никого не было, и Сенька решил. Вклинившись между Сережей и Денисом, пыхтящим под тяжестью очередных коробок, он влез на ступеньки и дошел до середины вагона. Здесь Сережа с Денисом разгрузились, а Сенька рысцей побежал в тамбур.

Сначала ему казалось, что за ним кто-то гонится, и еще два вагона он пробежал, не оглядываясь по сторонам. Потом успокоился и осмотрелся. «Осесть лучше в плацкартном, – вспомнил совет Коляна. – Там народу больше мельтешит. И места всегда свободные есть».

Мест действительно было навалом. Сенька совсем осмелел, присел на нижнюю боковую полку, облокотился на столик и со скучающим видом стал смотреть в окно, дожидаясь отправления.

Вот поезд дернулся, и медленно поплыло назад бетонное здание вокзала, окаймленное туалетом с одной стороны и пивным ларьком с другой. Вот чахлый садик за ларьком, вот несколько старых домов, переезд, а потом по обе стороны потянулись приземистые корпуса комбината с лесом труб, трубищ и трубочек, изрыгавших в низкое небо разноцветные

дымы.

Засмотревшись в окно, Сенька не сразу заметил, что по проходу идет проводник. В руках у него – черная сумочка с кармашками. Сдерживаясь, чтобы не побежать, Сенька вышел в тамбур. Подергал дверь в туалет – заперто. Заглянул в вагон и... встретился взглядом с проводником. Хлопнув дверью, кинулся в следующий вагон. В тамбуре курил высокий мужик в кожаной куртке. Вместе с Сенькой он вошел в вагон, отодвинул дверь купе. Сенька увидел еще трех мужиков, похожих на первого и одновременно услышал, как хлопнула в тамбуре переходная дверь. Выхода у него не было. Он юркнул в купе вслед за входящим туда мужиком, задвинул за собой дверь и прислонился спиной к прохладному зеркалу.

– Мужики! – проникновенно сказал Сенька изумленно глядящим на него пассажирам. – Спрячьте меня, мужики! По гроб жизни буду благодарен!

Мужики переглянулись, а потом старший кивнул на полку для чемоданов:

– Полезай!

Сенька не заставил себя долго просить и мигом змеей вполз в узкую щель. Тут же в дверь постучали.

– Извините, граждане, безбилетника тут ловим. Не видали, случаем? – Все четверо одинаково покачали головами. – Ну, извиняйте тогда еще раз.

Дверь щелкнула. Мужик, который курил в тамбуре, встал и закрыл задвижку.

– Ну слезай, косой, – добродушно пробасил старший. – Рассказывай, куда едешь?

– В Москву, – осторожно сползая ногами вперед, сказал Сенька. Правду говорить он не собирался, но и врать решил поменьше. Чтобы не запутаться.

– Так. А почему зайцем?

– Потому что денег нет.

– А откуда едешь-то?

– Из Сталеварска. Вот сейчас остановка была.

– Ага. Сталеварск, значит. Ну, и кто ж у тебя в Сталеварске остался?

– Мать осталась. И отчим. И еще брат. Но он сейчас не там... в другом месте...

– А чего ж сбежал? С отчимом, что ли, не поладил?

– Ага, – сказал Сенька и соврал в первый раз. Даже неудобно стало. Отчима зазря подставил. Вовсе зазря. Незлой мужик, напивается редко, пьяный спать ложится и зарплату всю домой несет. Мать за два года ни разу пальцем не тронул, и когда Коляна в колонию отправляли, две недели каждый день ходил куда-то, хлопотал. Хотя и чего ему – чужой пацан, да и не сахар. Опять же с глаз долой – места больше.

Сенька вспомнил отчима – неулыбчивого, молчаливого, клещами слова не вытянешь, с вечной скорбной морщиной поперек лба, и вздохнул. Отца он почти не помнил, но то, что помнил, говорило: за отчимом матери куда лучше. Слу-

чись им раньше сойтись – кто знает, может, и с Коляном по-другому повернулось бы...

– А чего ж так? – спросил мужик, который курил в тамбуре. – Бил тебя, что ли?

– Да нет! – оскорбился Сенька. – Он меня пальцем ни разу не тронул! – И тут же понял, что уже путается. Бежит от отчима и за него же вступается. – Кто б меня тронул, попробовал. Весь век бы потом жалел! – добавил он.

– А чего ж тогда?

– У них ребяенок будет, – подумав, сказал Сенька. – А комната одна. Малосемейка, знаете?

– Знаем... – вздохнул старший мужик. – А в Москве что же?

– В Москве – дядька, – сказал Сенька и соврал второй раз.

– Нужен ты ему!

– Не, он сам звал. Приезжай, говорит. Он один живет. Тетка умерла. Детей нет. Собака только, такса. Длинная такая, и уши висят. Зовут Бобиком, – вдохновенно фантазировал Сенька, надеясь избежать дальнейших расспросов.

– Ладно, коли так, – согласился один из мужиков. – А только мать-то с ума сойдет...

– Не, не сойдет. – Сенька махнул рукой. – Она привычная. А я, как доеду, телеграмму дам. Чтобы не беспокоилась.

Мужики разом вздохнули и посмотрели друг на друга.

– Ладно, чего уж, – сказал старший. – Полезай к чемоданам. Приютим тебя. Как звать-то?

– Сенькой.

– Знакомы будем. Я – Федор Степаныч. Это – Максим, а это – два Алеша. Строители мы. В Москву – в командировку.

– Очень приятно! – сказал Сенька и поклонился.

Мужики улыбнулись.

– Есть хочешь? – спросил один из Алеш. – А то садись к столу...

– Не, я лучше туда. – Сенька кивнул вверх. – Мне там спокойнее.

– Ну как хочешь. Давай подсажу.

Федор Степаныч привстал, подставил под Сенькину коленку широкую ладонь, легко забросил мальчика вверх.

Сенька свернулся клубком, вспомнил, будто услышал, наставления Коляна: «Ежели тебе кто добро сделал, так не журись и свиньей не кажись – благодари как следует». Развернулся, свесил вниз лохматую голову:

– Спасибо вам, мужики. Век не забуду.

– Ладно, – засмеялся Максим. – Дрыхни покамест. До Москвы далеко.

Словно забыв про Сеньку, мужики возобновили прерванный его появлением разговор. Говорили про политику, потом ругали какого-то Аркашку, потом достали из черного «дипломата» отпечатанные на машинке бумажки и долго складывали в столбик какие-то цифры.

Сенька положил под голову мешок и задремал. Резиновый носок кеда тер ухо, и по-настоящему заснуть не удавалось.

Кеды были точно такие же, как на Сеньке, только на размер больше. «Кто его знает, как в Москве с обувкой?» – подумал Сенька и похвалил себя за предусмотрительность.

– А еще, говорят, один мужик в космос на этой «тарелке» летал. А потом его назад вернули. У него теперь сердце с правой стороны, – рассказывал внизу Максим.

– Это почему же? – удивился Федор Степанович.

– Ну, не знаю, – смутился Максим. – Поменялось там чего-то.

– А я еще читал, – вмешался светловолосый Алеша, – что все эти духи, домовые и прочие – так это тоже из космоса. В контакт вступают.

Сенькину дрему как рукой сняло. Прислушался, насторожился.

– Тоже мне – контакт! – презрительно усмехнулся темно-волосый Алеша. – Вон в нашей многотиражке, помните, писали? Ботинки там сами ходят, горшки падают, обои рвутся. Что они там в космосе – слабоумные, что ли?

Алеше никто не ответил.

Сенька свесил вниз голову, потом высунулся чуть не по пояс, спросил безразлично:

– А вот вы не знаете, говорят, в Москве институт есть. По всем этим летающим «тарелкам»...

– Может, и есть, – усмехнулся Федор Степанович. – Каких только в Москве институтов нет! Небось и по «тарелкам» найдется. А тебе на что?

– Да так просто – интересно, – тут же отступил Сенька, но потом снова спросил: – А как найти его – не знаете?

– Да нет, откуда нам! – заулыбались все вместе. – Мы ж работяги, с барабашками не знаем, на «тарелках» не летаем. Наше дело – строить!

– Ну тогда извиняйте, – разочарованно вздохнул Сенька и заполз обратно...

– Слышь, косой, вставай, подъезжаем! – Федор Степанович потряс Сенькину коленку.

Сенька мигом сложился, выставил вперед кулаки.

– А? Чего?!

– Подъезжаем, говорю. Москва – столица. Вон, гляди, за окошком. – Федор Степанович ткнул в окно толстым пальцем. – Эвакуируемся таким порядком. Собираемся здесь. Потом быстренько по коридору. Максим вперед. Ты, косой, промеж Лехами, незаметненько. Я – крайний. В случае чего – рви вперед. Мы отбрехаемся.

За окном мелькали краснокирпичные привокзальные бараки.

– Слышь, Сенька – Светловолосый Алеша что-то быстро писал на клочке бумаги. – Я, слышь, сам-то московский. Мать у меня здесь и брат. Недели две в столице пробудем. Вот адрес... Мало ли чего... Заходи тогда. С билетом обратно поможем и вообще... А так – удачи тебе, конечно.

– Спасибо.

Сенька спрятал клочок поглубже в карман, сгреб с изголо-

вья котомку, спустил ноги. Поезд неспешно тормозил. Мимо проплывала широкая платформа и встречающие, похожие на сдающихся врагов: поднятые руки и изготовленные, ни к кому еще не обращенные улыбки.

– Ну, взялись, мужики! – скомандовал Федор Степанович. – Пошел, косо́й!

* * *

К вечеру ноги у Сеньки гудели, а в голове «шумел камыш». И все без толку.

– Никто ничего не знает в этой Москве! – зло бормотал Сенька.

Даже тетка из справочного киоска и та вытаращи́лась на него, как баран на новые ворота.

Буханку Сенька сжевал почти полностью да еще молока прикупил. Теперь пустая бутылка терлась в мешке об кеды – не бросать же добро, тоже денег небось стоит.

– Ты, пацан, у ментов спрашивай! – посоветовал Сеньке парень в фирмовом прикиде. – Они, менты, у нас все знают!

– Ага, сейчас, – отходя от парня, пробормотал Сенька себе под нос. – Не такой уже я придурок! Спрошу у мента – он меня зараз и сцапает...

Однако что-то делать надо. И ночевать где-то. Сенька по-ну́ро брел по незнакомой горбатой улице и смотрел, как зажигается свет в широких окнах.

«Ужинают небось, – думал он. – А потом спать лягут. Под одеяло. И все им до фени...» Стало вдруг так обидно, что Сенька едва не заплакал. Но сдержался и только пощупал в кармане бумажку с адресом светловолосого Алеши.

«Надо подвал искать! – решил он. – Там тепло и не найдёт никто. Выплюсь – завтра дальше подумаю. До Москвы доехал, тут уж как-нибудь... Подвал надо!» Сенька вспомнил, как по вечерам в Сталеварске пацаны и девки собирались под девятиэтажкой. Тепло, дым, мат – уютно... Сенька, конечно, малолетка, но его пускают – из-за Коляна.

Сенька вздохнул и стал по очереди обходить огромные, как горы, дома. В трех первых ему не повезло: заперто, причем замки не то, что в Сталеварске – висячки. Врезные, мощные – фиг откроешь. Сенька запаниковал: а вдруг здесь везде так? Как же тогда?!

Механически продолжал обходить дома и вдруг в длинной пятиэтажке приземистая бурая дверь поддалась, распахнулась бесшумно, открыла темный парной коридор с электрическим огоньком в конце. Не колеблясь, как бездумная ночная бабочка, Сенька пошел на свет.

У стены стояло два грубо сколоченных топчана с тряпьем, напротив выхода – гнутый колченогий стул. Голая лампочка плавала в радужном влажном воздухе.

– Эт-то что еще за явление? – спросил скрипучий голос из угла.

– Братцы! – сказал Сенька, остановившись на пороге. –

Приютите на одну ночь. Помехой не буду. Глаза закрыл – и нет меня. А утром уйду, честное слово.

Говоря, Сенька силился разглядеть обитателей подвала. Высмотрел троих – мужчина со скрипучим голосом в вязаной кофте, парень с бритой головой и еще кто-то – не то мужик, не то баба, свернувшись калачиком на топчане. Видны только ноги в шерстяных носках с дырой на пятке и блестящие лихорадочные глаза.

– Ночуй, что ли! – первым откликнулся парень.

– Ага, сейчас! Добрый какой! – сварливо возразил с топчана неопределенный, не то женский, не то мужской голос. – Самого пригрели, так раскомандовался. Сейчас за ним родители набегут...

– Не набегут! – твердо сказал Сенька. – Родители – в Сталеварске, я – здесь!

– А-а, побегушник! – как родному, обрадовался парень. – Откель бежишь? Не бойсь – не заложу!

– Из дому, – сказал Сенька и, заметив разочарование в глазах парня, добавил: – У меня брат в колонии, на общаке. Славский Колян. Не видал?

– По какой? – быстро спросил парень.

– Восемьдесят девятая, часть вторая, – мгновенно отпартовал Сенька.

– Групповуха, – одобрительно отметил парень и, наморщив лоб, задумался. – Не, не встречал.

– А сам чего? – вступил в разговор мужчина.

Сенька собрался было рассказать уже накатанную историю про отчима и таксу Бобика, – но парень не дал ему от-вечать.

– Ты, дядя, не лезь! – внушительно сказал он. – Ты кореша не трожь. Чужая душа – потемки, слышал? Вот и не лезь в душу!.. А ты, кореш, проходи. Вот там кипяток, сахар, хлеб. Пошамай и ложись...

Сенька благодарно взглянул на парня, прошел в угол, налил себе кипятку, отломил кусок батона. От добрых слов по-теплело снаружи, от кипятка – внутри.

– Ага, – удовлетворенно сказал парень, взбивая какое-то тряпье. – Вот тут и ляжешь. Тут у трубы тепло знатное. Дрыхни. Я с ранья уйду, а ты знай: Леха Моченый – это я. Может, когда свидимся.

– Спасибо, Леха, на добром слове, – церемонно отозвал-ся Сенька, прихлебывая кипяток. – Я – Сенька Славский, а Коляна увидишь, привет передавай.

– Заметано! – улыбнулся Леха, лег в угол и замер, будто провалился куда или умер.

Сенька тоже лег, но, хотя устал страшно, сон не шел. Дол-го прислушивался, как кряхтит на топчане неопределенное существо, как кашляет и шепотом матерится мужчина в коф-те.

Потом кто-то погасил радужную лампочку, и все стихло. Сенька лежал на спине, дышал парным воздухом и уже начал было засыпать, когда смутная фигура обозначилась у его ног.

– Сенька, ты спишь? – позвал хриплый голос мужчины в кофте.

– Нет, а чего? – Сенька сел на тряпках и помотал тяжелой головой, отгоняя сон. На мгновение ему показалось, что человек в кофте сейчас зарежет его, и он сжался, ожидая удара. Потом справился, усмехнулся сквозь стиснутые зубы и повторил: – Ну, чего?

– Понять хочу, – ответил мужчина. – Что тебя гонит? Ле-ха – неплохой парень, но жизнь видал только с одной стороны. Жалко. Я лежал, думал – может, помогу чем? Скажи, не бойся. Дядей Мишей можешь звать.

Никто никогда не хотел понять Сеньку, и раскололся он не от какого-то особого доверия к мужчине в кофте, а скорее от удивления, да и от заброшенности в чужом городе тоже.

– Мне институт нужен, – тихо сказал он. – Который по летающим «тарелкам». И вообще... по всему...

Несколько секунд дядя Миша молчал, потом сжал руками голову и простонал:

– Господи! И ты за этим в Москву ехал?!

– Да, – твердо сказал Сенька.

– Да неужто еще такое бывает?

– Всякое бывает, – уклончиво заметил мальчик, к которому же вернулась его обычная настороженность.

– И на что же тебе эти «тарелки» сдались?

– Так... Интересно...

– А домой?

– Домой – нет! – решительно сказал Сенька. – Мне институт надо. Иначе – жизни не видать!

– Господи! – снова простонал дядя Миша и беспокойно заерзал на ящике, на который присел во время разговора. – Ну, а побываешь там, потешишь любопытство свое, домой, к матери, вернешься?

– Поглядим, – осторожно сказал Сенька. – Может, и вернусь.

– Нет! – вдруг воодушевился дядя Миша. – Ты мне, гражданин Сенька, обещай. Если найду тебе институт, все выяснишь – и домой, до хаты. Ну? А то ничего узнавать не буду...

– Ну чего ж... – подумав, согласился Сенька. – Можно и так. Узнаю, что надо, и тогда... чего ж...

– Обещаешь? – перебил дядя Миша.

– Обещаю, – торжественно начал Сенька. – Зуб даю, гадам буду, не сойти мне с этого места...

Он вдруг испугался, что мужчина в кофте передумает, и торопился нагромоздить как можно больше клятв, но дядя Миша замахал рукой:

– Хватит, хватит, гражданин Сенька! Пошли! – Он поднялся с ящика и поглубже запахнул полы кофты.

– Куда? – растерялся Сенька. – Ночь же...

– Пошли, говорю, – прошептал дядя Миша. – Да потише смотри, Леху, с Шуркой не разбуди...

Сенька хотел было спросить, мужчина или женщина Шурка, но потом передумал и молча, нащупывая дорогу, пошел

за дядей Мишей.

На улице после подвала было люто холодно, и звезды на чернильном небе светили также остро и безжалостно, как фонари. Дядя Миша заглянул в первую телефонную будку и выругался: трубка была вырвана с мясом, и обрывок витого провода свешивался на заплыванный вонючий пол.

Сенька, догадавшись, потрусил за угол и оттуда крикнул обрадованно:

– Вот! Сюда! Здесь работает!

Дядя Миша не спеша зашел в будку, вставил в прорезь монетку и, чуть помедлив, уверенно набрал номер.

Долго никто не подходил, и Сенька уже начал психовать, но тут монетка с громким стуком провалилась в автоматные внутренности. Сенька вздрогнул.

– Егор? Здравствуй. Прости, что разбудил. Это Михаил... Да, Михаил... Тот самый... – Лицо человека в кофте перекосила неопишуемая гримаса.

Сенька подумал, что сейчас он бросит трубку, и испугался.

Но дядя Миша справился с собой и, помолчав, продолжал:

– Да, да, считай, что так и есть. Анна сказала правду... Разумеется, с того света... Здесь неплохо. В общем, так же, как и везде... У меня просьба к тебе, Егор. Где-то в Москве есть институт, а может, отдел, а может, лаборатория по изучению аномальных явлений. Ну, «тарелки», привидения и

прочее... Я читал в газетах. Ты по роду своей деятельности должен быть в курсе. Мне нужен адрес... Нет! – Дядя Миша печально усмехнулся. – Нет, я звоню не из сумасшедшего дома. Не волнуйся. Это было бы слишком легким выходом для меня... Нет! Возьми себя в руки, Егор. Логика – твоя сила. В каком это сумасшедшем доме по ночам психов пускают к телефонам?.. Это нужно не мне. Одному моему другу... А узнать сможешь?.. Когда?.. Как можно скорее... Завтра в одиннадцать я тебе звоню. Договорились... Я очень признателен тебе, Егор, и... не бери в голову... До свидания... – Человек в кофте положил трубку на рычаг и несколько секунд невидящими глазами смотрел на маленький серый диск. Сенька подумал, что он смотрит в глаза неведомому Егору (а может, Анне) и что-то силится разглядеть в них...

– Завтра, в одиннадцать, – наконец отрывисто сказал он. – Все будет. А сейчас, гражданин Сенька, – спать!

– Ага, – обрадованно кивнул Сенька. – Ага! Благодарствуйте! А то уж я и не знал, куда толкнуться. Повезло мне!

– Куда уж! – усмехнулся дядя Миша. – Такое везение!

Когда Сенька проснулся, Лехи уже не было, Шурка по-прежнему лежал (или лежала) на топчане, а дядя Миша легонько тряс его за плечо:

– Вставай, гражданин Сенька! Вставай!

– Ага. – Сенька сел на лежке и вытаращил глаза, чтобы они побыстрее открылись.

– Вот адрес. – Дядя Миша протянул Сеньке четвертуш-

ку тетрадного листа. – Доедешь до метро «Аэропорт», там спросишь... И чтобы сразу домой, понял? Обещания держать надо...

– Ага, спасибо, – обрадовался Сенька и хищно схватил протянутую бумажку. – Я пойду сразу, да?

– Иди, – вздохнул дядя Миша и подтянул к кадыкастому горлу засаленный кофтин воротник. – Помни, что обещал.

– Помню, конечно, век не забуду, – невпопад поблагодарил Сенька, схватил мешок и, пятясь, поклонился дяде Мише и лежащему (лежащей) Шурке. – Бывайте здоровы. Благодарствуйте за приют. Лехе привет передавайте!

– Бывай, гражданин Сенька, – пробормотал дядя Миша и отвернулся к тусклому подвальному окну, в которое, грациозно изгибаясь, протискивалась серая тигровая кошка.

Со стороны Шурки все было тихо.

* * *

Серый высокий дом с длинными узкими окнами выглядел внушительно и отчужденно. Сенька долго стоял около массивной двери, не решаясь войти, потом замерз и, вслед за низеньким лысым мужниной, проскользнул внутрь.

Из большого гулкового вестибюля наверх вели две широкие лестницы. «Куда ж теперь?» – растерялся Сенька и заглянул в бумажку. Ничего, кроме адреса, в ней не было.

Отступать было некуда. Сенька отошел к стене, сел на ко-

жанный диванчик и стал ждать. Мимо проходили люди, некоторые удивленно на Сеньку косились, но никто из них у него доверия не вызывал. И Сенька продолжал сидеть.

Наконец увидел спускающуюся по одной из лестниц немолдую женщину в синем шерстяном костюме, метнулся ей навстречу.

– Пожалуйста, скажите, где мне найти того, кто «тарелки» изучает? – выпалил Сенька заранее приготовленную фразу.

– Что?! Какие «тарелки»? – растерялась женщина.

– Неужто обманул?! – обмер Сенька и добавил тоном ниже: – Ну, эти, летающие...

– А-а... – улыбнулась женщина. – Так тебе на третий этаж, к «пограничникам»...

– Не, не! Мне к пограничникам не надо! – испугался Сенька.

– Надо, надо! – решительно сказала женщина. – Больше некуда. Третий этаж, триста восьмая комната. Спросишь Андрея Воронцова. Отчества я не помню, ну да и так найдешь...

Медленно, с трудом переставляя ноги, поднимался Сенька на третий этаж. Нашел триста восьмую комнату. Прочел на двери табличку: «Группа пограничных явлений. Клиническая база Института экспериментальной медицины».

«Надул, точно надул, – сокрушенно подумал мальчик. – Пограничные явления – это, наверное, как лучше шпионов на границе ловить... А „тарелки“ -то тут причем?.. А-а! – По-

трясающая мысль вдруг пришла Сеньке в голову. – А вдруг „тарелки“ – это такие шпионские самолеты?! У нас – ихние, у них – наши, а? Точно! А здесь изучают, как их ловить. Ну и ясно, где же ловить, как не на границе? Пограничные явления!» От такого ловкого проникновения в государственную тайну Сеньку даже зазнобило. Однако восторг быстро прошел, и он снова скис. «Ну и чего? Пусть так. Все, значит, правильно. Только мне-то тут чего делать?»

В этот момент дверь триста восьмой комнаты распахнулась, едва не саданув Сеньку по лбу, и на пороге возник высокий черноволосый парень в брюках-варенках и клетчатой, расстегнутой на груди рубашке.

– Фу, черт! – громко сказал он и вытер рукой мокрый, блестящий лоб. – А ты чего? – помолчав, добавил парень, заметив Сеньку, который выразительно сверлил его глазами.

– Мне гражданин Воронцов нужен, – серьезно сказал Сенька, от безнадежности решивший выяснить все до конца.

– Я, гражданин начальник! – отрапортовал парень и вскинул к уху растопыренную пятерню.

Сенька не выдержал и ухмыльнулся.

– Ну и чего же тебе от меня требуется? – спросил Воронцов и неожиданно мягко сполз спиной по стене, присев на корточки.

– Мне требуются те, которые изучают «тарелки», барабашек и прочие такие шутки. У меня к ним важное дело, – выпалил Сенька.

– Ну что ж, выкладывай! – вздохнул Воронцов, снизу вверх глядя на Сеньку. Глаза у него были коричневые, веселые, усталые и казались старше его самого.

– А вы – тот? – недоверчиво спросил Сенька.

– Самый тот, – успокоил его Воронцов.

– Тогда – вот! – Сенька вынул из кармана куртки свернутую, стертую на углах газету и протянул ее парню.

Тот развернул ее, прочитал название: «Сталеварская правда», вопросительно глянул на Сеньку.

– Вот здесь. – Сенька ткнул грязным пальцем в одну из записок.

Воронцов вздохнул еще раз и покорно прочел:

«В минувшее воскресенье на улице Новоселов, в доме 49 развернулись фантастические события. Вечером, когда хозяева квартиры сидели за столом, собираясь ужинать, внезапно погас свет. В темноте с подоконника с ужасным грохотом упали цветочные горшки, закачалась люстра, зазвенела посуда в буфете, а когда испуганные хозяева вскочили на ноги, вспыхнули занавески.

Прибежавшие на зов хозяйки соседи помогли тушить пожар и видели, как сама собой опрокинулась с антресолей тяжелая коробка с домашним скарбом. Причины загадочных событий остались неизвестными и для хозяев квартиры и для участкового милиционера, вызванного на место происшествия.

Как бы там ни было, но отныне можно смело утверждать,

что и наш славный Сталеварск не обойден вниманием барабашек».

Дочитав, Воронцов аккуратно сложил газету и вернул ее Сеньке.

– Ну и чего? – спросил он. – Интересуешься?

– Да, очень, – подтвердил Сенька.

– У нас сейчас при Дворце молодежи клуб есть. Любителей летающих «тарелок». Намедни тут представители были. Топай туда. Там единомышленников найдешь. Знаешь, где Дворец молодежи?

– Я из Сталеварска приехал, – хмуро сказал Сенька.

– Да-а? – лениво удивился Воронцов. – А зачем?

– Затем! – Сенька потряс зажатой в кулаке газетой. – Барабашка – это я!

– Та-ак! – не касаясь пола руками, Воронцов поднялся и навис над Сенькой. – Это в каком же смысле?

– В таком! – отчаянно крикнул Сенька. – Я это все, понял?! Я!

– Успокойся! – Воронцов властно положил тяжелую ладонь Сеньке на плечо. – Ты хочешь сказать, что все эти опрокидывающиеся горшки и горящие занавески – твоих рук дело?

Сенька кивнул.

– Ну, и как же ты это устроил?

– Не знаю, – сказал Сенька и вдруг заплакал. Он и сам не знал – почему, просто вдруг глазам стало щекотно и по

щекам потекли крупные соленые слезы. Сенька слизывал их языком и очень стеснялся, что Воронцов видит его в таком непотребном виде. А что Колян бы сделал?! Сейчас Сенька охотно вывернулся бы и убежал, но куда? «Вот ведь дурость какая! – думал Сенька. – Все-то у нас, у Славских, не как у людей!»

Но и Воронцов поступил не как «все люди». Он вдруг подхватил Сеньку на руки, ногой распахнул дверь и внес его в комнату.

Уже лет десять никто Сеньку на руки не брал, только мать – младенцем безмозглым, да и забыл он все... а тут такое что-то накатило... Захотелось лицо на груди волосатой у Воронцова спрятать, да так и остаться... Сенька даже зубами заскрипел от стыда.

Комната, в которой они оказались, сначала показалась Сеньке ужасно тесной. Потом он рассмотрел, что была она довольно большая, с высоким сводчатым потолком, а тесной казалась оттого, что вся, под завязку была заставлена какими-то попискивающими и перемигивающимися разноцветными глазками приборами.

Сенька, который вслед за Коляном кое-что смыслил в электронике, мигом перестал реветь, прищелкнул языком от восхищения и прикинул, что минут за пять здесь можно наковырять разноцветных глазков на знатную светомузыку.

– Ой, уроню! – сказал Воронцов и сделал вид, что убирает руки и собирается бросить Сеньку на пол.

– А ну пусти! – опомнился Сенька. – Чего я вам, малек, что ли?! – Он яростно напрягся и выскользнул из цепких пальцев, встал на пол, готовый и к обороне и к нападению.

– Так, – спокойно сказал Воронцов, с ног до головы оглядывая Сеньку. – Реветь перестали? Отлично!.. А теперь скажи по совести – дурачишь меня? Честное слово, не рассержусь! Привычный я. Тут вот недели три назад двое были из подмосковной деревни... забыл, как называется... Так вот они клялись и божились, что у них на огороде «тарелка» приземлилась. И двое инопланетян оттуда вышли. Один – длинный, лиловый, другой – маленький, зелененький. Длинный свистел, а зеленый вроде бы шелкал... – Воронцов засмеялся, обнажая ослепительно белые и неестественно ровные («Вставные, что ль?» – подумал Сенька) зубы. – Ну так как? – Он улыбался во все свои потрясающие зубы, приглашая Сеньку посмеяться вместе с ним и все забыть, а того уже заливали смертельная обида и душное чувство ни с кем не делимого одиночества, которое, то накатываясь, то отступая, томило его все эти месяцы. Мысли путались, в голове жарко запульсировала какая-то жилка.

– Я – вру?! Ну и пусть! – выкрикнул Сенька. – И пошли вы все! – Он собирался уничтожить Воронцова коронным Коляновым ругательством и объяснить ему, кто он такой, кто были его родители и кем будут его дети... но не успел...

Темные, выгоревшие по краям занавески вспыхнули на двух окнах сразу, одна из металлических этажерок с разме-

стившимися на ней приборами, словно чего-то испугавшись, прынула к стене и застыла, с силой ударившись об нее.

Сенька ничком бросился на пол, закрыв голову руками.

Воронцов, не успев погасить улыбку, прыжком оказался у стены, и рванул какой-то рубильник. Писк смолк, мигавшие огоньки разом погасли. Стал слышен треск горящих занавесок. Воронцов отвернул кран обнаружившейся за одним из шкафов раковины, подставил под струю огромную жестянку, с трех шагов плеснул на одно из окон. Огонь зашипел, горячие капли потекли по почерневшей, лопнувшей от жара краске. Сенька пришел в себя и выхватил из-под стеллажа вторую жестянку, поменьше.

Минуты три они с Воронцовым молча и сосредоточенно, не глядя друг на друга, поливали занавески. Наконец огонь умер. В комнате резко и душно пахло залитым пожаром. Першило в горле. Обгоревшие клочья занавесок свисали с какой-то безнадежной беспомощностью. Воронцов распахнул окно. Сенька лег грудью на подоконник. Его тошнило. Он знал, что Воронцов не станет его бить, и ждал окрика, резкого, как удар ремня с защитой в кончик свинчаткой. Что-нибудь вроде: «Пошел вон!» или «Быстро вали отсюда».

Воронцов подошел сзади, взял Сеньку за плечи, повернул лицом к себе. Сенька упрямо смотрел в пол.

– Есть хочешь? – спросил Воронцов.

Сенька, почувствовав, что сейчас опять разрешится, попытался вырваться.

– Пойдем в буфет, – не отпуская, сказал Воронцов. – А то я сейчас сдохну. Со вчерашнего вечера – ничего, кроме чашки кофе... Но чтобы посуду не бить и столы не переворачивать... Договорились? – Он отпустил Сеньку и внимательно глядел на него.

Сенька поднял глаза и вдруг догадался, что внешняя легкость дается Воронцову куда как тяжело, представил себя на его месте и впервые за много месяцев пожалел не себя.

– Я постараюсь, – тихо сказал он.

После еды Сеньке безумно захотелось спать. Он крепился, давил в глотке готовые разорвать рот зевки, тер слипающиеся глаза, но чувствовал, что скоро не выдержит.

Воронцов привел его в другую комнату, поменьше первой, в которой не было абсолютно ничего, кроме бледно-желтых стен и нескольких гимнастических матов на полу. Воронцов прислонился к стене, а Сенька остался стоять посреди комнаты, так как знал, что в любой другой позе заснет мгновенно.

– Ну, и что ты еще можешь? – с деланной небрежностью спросил Воронцов.

– Я ничего не могу, – честно ответил Сенька. – Оно само выходит.

– Та-ак. А когда же оно выходит?

– Когда? – Сенька задумался. – Когда злюсь, наверное... Или когда не верят... Но это тоже злюсь...

– А управлять не пробовал этим?

– Не, боюсь...

– Та-ак. – Воронцов сгорбился и так же неожиданно, как и в прошлый раз, сполз по стене, присел на корточки.

Сенька даже вздрогнул.

– Ну, а чего же ты хочешь?

– Вылечиться! – решительно сказал мальчик. – Или хотя бы знать, когда оно...

– Хорошо. С первым – не обещаю, а со вторым – может, и поможем... Дома знают, где ты?

– Знают, – уверенно соврал Сенька.

– Ладно, – вздохнул Воронцов. – Поживешь пока у нас в клинике, обследуем тебя. Там поглядим. Согласен?

– Согласен, – кивнул Сенька и, подумав, добавил: – Только у меня денег нет.

– Не надо тебе денег, – успокоил его Воронцов. – Это как в больнице: бесплатно... Меня звать Андрей Андреевич, можно сокращать до одного Андрея, а тебя как?

– Меня – Сенька.

– Хорошо, будем знакомы... А теперь посмотри вот в тот угол и попробуй с ним что-нибудь сделать... Ну... поджечь, передвинуть мат, еще что...

С минуту Сенька честно таращился в стену около окна, переводил глаза с пола на потолок, напрягался так, что аж за ушами трещало. Ничего не происходило. Потом виновато взглянул на Андрея:

– Вот видите, не выходит ничего...

– Не страшно, – снова вздохнул Воронцов. – Выйдет. Потом. А сейчас пошли отдыхать...

– Ага, – обрадовался Сенька. – Пошли.

Идя за Андреем по длинному коридору с номерными глухими дверьми по обеим сторонам, Сенька чувствовал себя почти счастливым. Тяжесть, которая давила ему на плечи все последние месяцы, исчезла или, по крайней мере, полегчала настолько, что он ее почти не чувствовал. Сенька не был глуп и понимал, что ничего никуда не девается и свою ношу он просто переложил на Воронцова, но это его сейчас мало волновало. «Они люди ученые, – думал он. – Вот пускай и разбираются».

* * *

Клиника была похожа на школу летом. Пустой гулкий коридор. Серые пятна обвалившейся штукатурки, пустые классы-палаты.

Поначалу Сеньке показалось, что, кроме него и Андрея, здесь вообще никого нет. Потом увидел за застекленными дверьми палат несколько лиц. Показались и исчезли – не то тени, не то призраки. В коридор не вышел никто.

В маленьком уютном кабинете повсюду висели плетенки макраме и горшки с курчавой зеленью. Пахло тепло и вкусно, как в оранжерее.

– Вот, Зина, – сказал Андрей, обнимая Сеньку за плечи

и демонстрируя его маленькой остроносой женщине. – Еще кадра тебе привел. Звать Сенькой. Сам на меня вышел. Покажи ему апартаменты, а потом поговорим. . .

– Пойдем, Сеня, – ласково сказала женщина, поднялась из-за стола, но почти не выросла. На стуле, где она сидела, лежала большая кожаная подушка.

«Лилипутка, наверное, – неуверенно подумал Сенька. – А может, просто маленькая. . .»

Зина отворила перед Сенькой застекленную, выкрашенную белой краской дверь.

– Заходи. Это будет твоя комната.

– Ну да?! – Сенька не удержался от удивленного восклицания. Никогда в жизни у него не было не только своей комнаты, но даже своего угла.

– Да, – улыбнулась Зина, и Сенька взглянул на нее с благодарностью.

Дядя Миша, Воронцов, Зина – столько хороших людей зараз. И все они обязательно помогут ему. Теплые чувства переполняли Сеньку. Он хотел что-то сказать, но не находил слов.

– Осмотрись пока, – пришла ему на помощь Зина. – В девятнадцать тридцать – ужин, поешь и ложись спать. Утро вечера мудренее. . .

– Спасибо вам, что приветили. За кров, за ласку. . . – нашелся наконец Сенька, а Зина смутилась и покраснела. Ростом она была не выше Сеньки, да еще туфельки на каблуч-

ках.

* * *

Для начала Сенька открыл дверцы тумбочки и узкого стенного шкафчика. В тумбочке стоял граненый стакан на белой толстой тарелке, а в шкафчике висели три вешалки. На одну из вешалок Сенька сразу же повесил куртку, потом подумал и на другой распялил рубашку, оставшись в одной майке. Мешок положил было в тумбочку, но скоро перерешил: вынул, кеды и аккуратно поставил их под кровать. Опустевший мешок сложил вчетверо и убрал назад. Разместившись таким образом, выглянул в окно.

Там ничего интересного не оказалось – прямо напротив безглазо белели зашторенные окна другого крыла, а далеко внизу на сером, мокро от недавнего дождя асфальте суетились растрепанные голуби.

Сенька отошел от подоконника и с размаху бросился на пружинную кровать, накрытую полосатым матрасом. Кровать громко и приятно закричала. Сенька покачался немного, прислушиваясь к ласкающему ухо скрипу, переползая с места на место, выяснил все его оттенки, а потом, поднявшись, аккуратно застелил койку жестким, вкусно пахнущим бельем.

Чинно присел на табуретку, посидел немного, сложив руки на коленях.

«Как же я узнаю, когда ужинать-то идти? Позовут, может? Да нет, тогда бы Зина так и сказала: позовут, мол... Может, в коридоре часы есть?»

Сенька приоткрыл дверь и осторожно выглянул в коридор. Вспомнил, что не одет, вернулся, натянул рубашку, застегнул на все пуговицы, тщательно заправил в штаны.

Выглянул снова. Повертел головой, надеясь увидеть часы, не отходя от двери. Не удалось. Тогда, поколебавшись, Сенька прикрыл за собой дверь и медленно пошел по пустому коридору. В торце его, на подоконнике огромного окна, зеленели крутобокие кактусы. Один из них цвел большим ядовито-красным цветком. «Зина, должно, разводит», – добродушно подумал Сенька и подмигнул кактусам.

Дойдя до конца коридора и нигде не заметав часов, Сенька собрался уже было идти назад, как вдруг увидел у стены девочку в коротком вылинявшем халатике. Откуда она тут взялась? Сенька мог бы поклясться, что минуту назад он смотрел на это место и оно было пустым.

Девочка стояла, прислонившись к стене, и смотрела на Сеньку. На вид она казалась его ровесницей, может, чуть постарше.

Теперь у Сеньки было два выхода: юркнуть назад в свою комнату и прикрыть дверь или подойти к девочке и заговорить. Сенька явно предпочел бы первое, но кто знает, сколько ему еще здесь быть. Не будешь же вечно прятаться!

И Сенька шагнул вперед, неуверенно улыбнулся девочке

и спросил:

– Не знаешь, где здесь время узнать?

Девочка молча вытянула вперед тонкую руку, Сенька проследил направление, но ничего не увидел. Пожал плечами.

– Без пяти семь, – хриловато сказала девочка.

– Ага, – обрадовался Сенька. – Значит, через полчаса жрать дадут!

– А ты чего, голодный, что ли?

– Да не, – смутился Сенька. – Не голодный... Но все дело какое-то...

– Ерунда это, а не дело, – отрезала девочка. – Тебя как звать?

– Сенькой.

– А меня Глашкой.

– Знакомы будем, – сказал Сенька и лодочкой протянул девочке руку.

Глашка недоуменно подняла темные брови, однако взяла протянутую руку и слабо встряхнула ее. Ладонка у нее была сухая и горячая.

– Ты чего тут?

– Ну-у, так... – Сенька передернул плечами.

– «Ну-у, так» здесь не держат, – без всякого выражения констатировала девочка.

Сенька помялся еще несколько секунд и вдруг неожиданно легко сказал:

– Я – барабашка! – И сам себе удивился несказанно. То,

что он не решался открыть никому из друзей, делом проверенных, вдруг взял да вот так, за здорово живешь, выболтал незнакомой девчонке, которую и видит-то первый раз в жизни. А казалось, на куски его режь – не скажет... Чудеса!

– Ага, – совершенно не удивившись, сказала Глашка и задумалась, что-то прикидывая про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.